

В. МАЯКОВСКИЙ

П А Р И Ж

РОДЧЕНКО

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

D 5856908

K 600 9402

ANSA 217/7

В. МАЯКОВСКИЙ

ПАРИЖ

„МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“

1925

ЛЕНИН
АВТОГРАФИЧЕСКАЯ КОПИЯ
В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
АРХИВЕ

Отпечатано
в типо-хромс-литографии
„ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ“
Мосполиграф. Москва,
Арбат, Филипповский, 11,
Тираж 5.000.
Главлит № 38.708.

Е Д У

Билет —

щелк.

Щека —

чмок.

Свисток, —

и рванулись туда мы,

куда,

как сельди,

в сети чулок,

плывут

кругосветные дамы.

Сегодня приедет —

уродом-урод,

а завтра —

узнать посмейте-ка:

в одно

разубран

и город и рот —

помады

огней косметика.

Веселых

тянет в эту вот даль.

В Париже грустить?

Едва ли!

площадь

а звезды —

Засвистывай,

врезайся и режь

сквозь Льежи

Но нож

и Брюссель,

и Льеж

ТОМУ,

Сейчас бы

с ногами —

в снегу,

СВИСТИ,

меня,

— Вечер,

ОГОНЬКИ,

дальняя дорога,
сердце рвется от тоски,
а в груди

тревога.

Эх, раз,

еще раз,

стих в пляс.

Эх, раз,

еще раз

рифм хряск.

Эх, раз,

еще раз,

еще много, много раз.

Люди

разных стран и рас,

копая порядков грядки,

увидев,

как я

себя протряс,

скажут:

в лихорадке.

ГОРОД

Один Париж —
адвокатов,
казарм,
другой —
без казарм и без Эррио.
Не оторвать
от второго
глаза —
от этого города серого.
Со стен обещают:
„Un verre de Koto
donne de l'énergie“ *).
Вином любви
каким
и кто
мою взбудоражит жизнь?
Может,
критики
знают лучше,

*) Стоакан Кото
даёт энергию.

может,
их
и слушать надо.
Но кому я, к чорту, попутчик?
Ни души
не шагает
рядом.
Как раньше,
свой
раскачивай горб
впереди
поэтовых арб —
неси
один
и радость,
и скорбь,
и прочий
людской скорб.
Мне скучно
здесь
одному
впереди —
поэту
не надо многого, —
пусть
только
время
скорей родит
такого, как я,
быстроногого.

Мы рядом
 пойдем
 дорожной пылью.
 Одно
 желанье
 пучит:
 мне скучно
 желаю
 видеть в лицо,
 кому это
 я
 попутчик?!
 „Je suis un chameau“ *),
 в плакате стоят
 буквы —
 каждая фут.
 Совершенно верно, —
 „je suis“
 это
 „Я“,
 а „chameau“,
 это —
 „я верблюд“.
 Товарищ туча,
 скорей нагнись,
 меня
 и Париж полей,
 чтоб только
 скорей
 зацвели огни
 длиной

*) Я верблюд.

Елисейских полей!
Во всё огонь —
и небу в темь,
и в чернь промокшей пыли.
В огне,
жуками
всех систем,
жужжат
автомобили.
Горит вода,
земля горит,
горит
асфальт
до жжения,
как будто
зубрят
фонари
таблицу умножения.
Эта площадь
лучше
тысяч
дам-болонок.
Эта площадь
оправдала б
каждый город.
Если б был я
Вандомская колонна,
я б женился
на Place de la Concorde.

ВЕРЛЕН И СЕЗАН

Я стучаюсь

о стол,

о шкафа острия —

четыре метра ежедневно мерь.

Мне тесно здесь

в отеле „Istria“

на коротышке

rue Campagne-Première.

Мне жмет.

Парижская жизнь не про нас —

в бульвары

тоску рассыпай.

Направо от нас —

Boulevard Montparnasse

налево —

Boulevard Raspail.

Хожу и хожу,

не щадя каблука, —

хожу

и ночь и день я —

хожу трафаретным поэтом, пока

в глазах

не встанут виденья.

Туман — парикмахер,

он делает гениев —

загримировал

одного

бородой —

Добрый вечер, м-г Тургенев.

Добрый вечер, м-ме Виардо.

Пошел:

„за что боролись?..

а Рудин...

А вы,

именье —

возьми подпальни"...

Мне

их разговор эмигрантский

нуден

и юркаю

в кафе от скульни.

Да.

Это он,

вот эта сова —

не тронул

великого

тлен.

Приподнял шляпу:

„Comment ça va *),

*) Как поживаете.

дорогой товарищ Верлен?

cher camerade Verlaine?²
Откуда вас знаю?
Вас знают все.
И вот
довелось состукаться.
Лет сорок
вы тянете
свой абсент :
из тысячи репродукций.
Я раньше
вас
почти не читал,
а нынче
вышло из моды, —
и рад бы прочесть —
не поймешь ни черта:
по-русски — дрянь
переводы.
Не злитесь, —
со мной,
должно быть, и вы
знакомы
лишь по наслышке.
Поговорим
о пустяках путевых,
о нашинском ремеслишке.
Теперь
плохие стихи —
труха.
Хороший —
себе дороже.

С хорошим
и я б
свои потроха
сложил
под забором
тоже.
Бумаги
гладь
облеывая
пером,
концом губы —
поэт,
как рвань рублевая,
живет
с словцом любим.
Я жизнь
отдать
за сегодня
рад.
Какая это громада!
Вы чуете
слово
пролетариат —
ему
грандиозное надо.
Из кожи
надо
вылазить тут,
а нас —
к журнальчикам
премией.

простой кустарь,
без мотора.
Перо
такому
в язык вонзи,
прибей
к векам кунсткамер!
Ты врешь.
Еще
не найден бензин,
что движет
сердце кусками.
Идею
нельзя
замешать на воде —
в воде
отсыреет идея.
Поэт
никогда
и не жил без идей.
Что я —
попугай?
индейка?
К рабочему
надо
итти серьёзней, —
недооценили их мы.
Поэты,
покайтесь,
пока не поздно,

Теперь
ушли от искусства
вбок,
не краску любят,
а сан. —
Сезан
остановился на линии
и весь
размерсился, — тронутый.
Париж,
фиолетовый,
весь в анилине,
вставал
за окном Ротонды.

NOTRE-DAME

Другие здания
 лежат,
 как грязная кора,
в воспоминании
 о Notre-Dame'e.

Прошедшего
 возвышенный корабль,
о время зацепившийся
 и севший на мель.

Раскрыли дверь;
 тоски тяжелей;

желе
 из железа —
 нелепее.

Прошли
 сквозь монаший
 служилый елей

в соборное великолепие.

Читал
 письмена,
 украшавшие храм,

про боговы блага
на небе.
Спускался в партер,
подымался к хорам,
смотрел удобства
и мебель.
Я вышел —
со мной
переводчица-дура
щебечет
бантиком-ротиком:
— Ну, как вам
нравится архитектура?
Какая небесная готика! —
Я взвесил все
и обдумал:
— Ну, вот:
он лучше Блаженного
Васьки.
Конечно,
под клуб не пойдет —
темноват, —
об этом не думали —
классики.
Не стиль...
Я в этих делах не мастак.
Не дался
старью на с'едение.
Но то хорошо,
что уже места

готовы тебе

для сидения.

Его

ни к чему

перестраивать заново, —

приладим

с грехом пополам,

а в наших —

ни стульев нет,

ни органов.

Капнёшь —

одни купола.

И лучше б оркестр,

да игра дорогá, —

сначала

не будет финансов, —

а то ли дело,

когда орган —

играй

хоть пять сеансов

Ясно —

репертуар иной —

фокстроты,

а не сопенье. —

Нельзя же

французскому госкино

духовные песнопения!

А для рекламы —

не храм,

а краса! —

Старайся

во все тяжкие.

Электро рекламе —

лучший фасад:

меж башен

пустить перетяжки,

да буквами разными

„ЗНАК ЗОРО“,

чтоб буквы бежали,

как мышь.

Такая реклама

так заорет,

что видно

во весь Бульмиш.

А если

и лампочки

вставить в глаза

химерам

в углах собора,

тогда —

никто не уйдет назад:

под ряд —

битковые сборы.

Да надо

быть

бережливым тут,

ядром

чего

не попортит.

В особенности,

если пойдут

громить

префектуру

напротив.

ВЕРСАЛЬ

По этой
дороге,
спеша во дворец,
бесчисленные Людовики
трясли,
в шелках
золоченых каретц
телес
десятипудовики.
И ляжек
своих
отмахав шатуны,
по ней,
марсельезой пропет,
плюя на корону,
теряя штаны,
бежал
из Парижа
Капет.

Теперь
по ней
веселый Париж
гоняет
авто рассияв...
Кокотки,
рантье, подсчитавший барыш,
американцы
и я.
Версаль.
Возглас первый:
„Хорошо жили стервы!“
Дворцы
на тыщи спален и зал —
и в каждой
и стол
и кровать.
Таких
вторых
и построить нельзя,
хоть целую жизнь —
воровать.
А за дворцом,
и сюды,
и туды,
чтоб жизнь им
была
свежа.
пруды,
фонтаны,
и снова пруды.

с фонтаном
из медных жаб.
Вокруг,
в поощренье
жантильных манер,
дорожки
полны статуями —
везде Апполоны,
а этих
Венер
безруких, —
так целые уймы.
А дальше —
жилья
для их Помпадурш
— Большой Трианон
и Маленький. —
Вот тут
Помпадуршу
водили под душ,
вот тут,
помпадуршины спальни.
Смотрю на жизнь —
ах, как не нова!
красивость —
аж дух выматывает!
Как будто
влип
в акварель Бенуа,

к каким-то
стишкам Ахматовой.
Я все осмотрел,
пощупал вещи.
Из всей
красотищи этой
мне
больше всего
понравилась трещина
на столике
Антуанетты.
В него
штыка какого-то
клин
вогнали,
пляша под распевку,
когда
санкюлоты
поволокли
на эшафот
королевку.
Смотрю,
а все же —
завидные видики,
сады завидные —
в розах.
Скорей бы
культуру
такой же выделки,

но в наш,
в машинный рóзмах!
В музеи
вот эти
лачуги б вымести!
— Сюда бы —
стальной
и стекольный
рабочий дворец
миллионной вместимости,
— такой,
чтоб и глазу больно.

Всем,
еще имеющим
купоны
и монеты,
всем царям,
еще имеющимся —
в назидание.
— С гильотины неба,
головой Антуанетты,
солнце
покатилось
умирать на зданиях.
Расплýлась
и лип
и каштанов толпа,
слегка
листочки ворсѣ.

Прозрачный

вечерний

небесный колпак

закрыл

музейный Версаль.

Ж О Р Е С

Ноябрь,
а народ
зажат до жары..
Стою
и смотрю долго:
на шинах машинных
мимо —
шары
катаются
в треуголках.
Войной обогранные
руки
умыв
и красные
шансы
взвесив,
коммерцию
новую
вбили в умы
хотят
спекульнуть на Жоресе.

себя
 во второй раз.
 Не даст.
 Подняв
 знамен мачтóвый лес,
 спаяв
 людей
 в один
 плывущий флот,
 громóвый и живой,
 попрежнему
 Жорес
 проходит в Пантеон
 по улице Суфло.
 Он в этих криках,
 несущихся вверх,
 в знаменах,
 в шагах
 в горбах
 „Vivent les Soviets!..
 A bas la guerre!..
 Capitalisme à bas!..“ *)
 И вот —
 взбегает огонь,
 и горит
 и песня,
 краснеет у рта.

*) Да здравствуют соезеты!
 долой войну!
 долой капитализм!

И кажется —

снова

в дыму

пушкири

идут

по парижским фортам.

Спиною

к витринам отжали,

и вот

из книжек

выжались

тени.

И снова

71-ый год

встает

у страниц в шелестении.

Гора

на груди

могла б подняться.

Там

гневный окрик орет —

кто смел сказать,

что мы

в семнадцатом

предали

французский народ!?

Неправда,

мы с вами,

французские блузники.

Забудьте

этот

поклеп дрянной.

На всех баррикадах

мы ваши союзники,

рабочий Крезо

и рабочий Рено.

К А Ф Э

Обыкновенно

мы говорим:

все дороги

ведут в Рим.

Не так

у монпарнасца.

Готов поклясться—

И Рем,

и Ромул,

и Ремул и Rôm

в Rotonde'у придут

или в Dôme

В кафэ

идут

по сотням дорог,

плывут

по бульварной реке.

Вплываю и я:

Garçon,

un grog

américain! *)

*) Официант,

гrog

по-американски!

Сначала

слова

и губы

и скулы

кафейный гомон сливал.

Но вот

пошли

вылупляться из гула

и лепятся

фразой

слова:

„Тут

проходил

Маяковский давеча,

хромой —

не видали рази?

— А с кем он шел? —

— С Николай Николаичем. —

— С каким?

Да с великим князем...

— С великим князем?

Будет врать!

Он кругл

и лыс,

как ладонь...

Чекист он, —

послан сюда

взорвать...

— Кого?

-- Буа де Булонь...

Езжай, мол, Мишка...

Другой поправил:—
Вы врете,

противно слушать —
совсем и не Мишка он,
а Павел.

Бывало сядем:

Павлуша, —
а тут же
его супруга,

княжна,
брюнетка,
лет под тридцать...

— Чья?

— Маяковского.

— Он не женат.

— Женат,
и на императрице.

— На ком?

Ее ж расстреляли!

— И он

поверил —

сделайте милость!

Ее ж Маяковский спас

за триллион!

Она же ж

омолодилась!—

Благоразумный голос:

— Да нет,

вы врете

Маяковский — поэт.

Ну да —
вмешалось двое саврасов —
в конце
семнадцатого года
в Москве
чекой
конфискован Некрасов
и весь
Маяковскому отдан.
Вы думаете —
сам он?
Сбондил до иот —
весь стих,
с запятыми,
украден.
Достанет Некрасова
и продает
червонцев по десять
на день.
Где вы.
свахи?
Подымись, Агафья!
Предлагается
жених невиданный.
Видано ль,
чтоб человек
с такою биографией
был бы холост
и старел невиданный?!

Париж,
тебе ль,
столице столетий,
к лицу
эмигрантская нудь?
Смахни
за ушами
эмигрантские сплетни —
провинция —
не продохнуть!
Я вышел
в раздумьи:
чорт его знает!
Отплюнулся —
тьфу напасть. —
Дыра
в ушах
не у всех сквозная —
другому
может запать!
Слушайте, читатели,
когда прочтете,
что с Черчиллем
Маяковский
дружбу вертит
или
что женился я
на Кулиджевской тете,
то, покорнейше прошу,
не верьте!

ПРОЩАНИЕ

В авто,
 последний франк разменяв.
— В котором часу на Марсель? —
Париж
 бежит,
 провожая меня
во всей
 невозможной красе.
Подступай
 к глазам,
 разлуки жижа,
сердце
 мне
 сентиментальностью расквась!
Я хотел бы
 жить
 и умереть в Париже.
Если б не было
 такой земли —

Москва.

Издательство МК РКП
„Московский Рабочий“
ОТДЕЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Дубовской, В. — „Смелые и сильные“. Повесть. 214 стр. В художественной обложке. Ц. 1 р. 25 к.

Бела Илеш. — „Ковер Степана Разина“. Повесть. 84 стр. В художественной обложке. Ц. 45 к.

Фурманов, Д. — „Семь дней“. 114 стр. В художественной обложке. Ц. 65 к.

„Рабочая Весна“. Литературный сборник группы „Рабочая Весна“ Московской Ассоциации Пролетарских Писателей. 125 стр. В художественной обложке. Ц. 85 к.

Федорович, В. — „На лесах“. Очерки. 198 стр. В художественной обложке. Ц. 1 р. 25 коп.

„Вагранна“. Сборник литературно-художественного кружка при Рогожско-Симоновском Райкоме РКП(б). 116 стр. Ц. 75 к.

Весь сборник в целом дает картину тех огромных сдвигов, которые, в связи с Октябрьской революцией, происходят в рабочем классе и крестьянстве.

Иванов, В. — „Хабу“. Повесть. 111 стр. В художественной обложке. С иллюстр. Ц. 50 коп.

Шведов, Я. — „Разлив“. Стихи. 118 стр.

Цветкова, С. — „На баррикадах“. 1905 год по воспоминаниям работницы. 36 стр. Ц. 15 коп.

Содержание: Детство. На фабрике 9-е января. Первый митинг. Похороны Баумана. Подготовка к вооруженному восстанию. На баррикадах. Разгром. Арест. Тюрьма. Замужество.

„Чауш“. Татарский Комсомол в Крыму (из революционного быта татарской молодежи). 55 стр. Ц. 20 коп.

Александровский, В. — „Шаги“. Поэмы и стихи. 100 стр. Ц. 60 коп.

Требования направлять по адресу:

МОСКВА, Б. Дмитровка, 26.
ЛЕНИНГРАД, Проспект 25 октября, № 27.

8007

Цена 50 коп.

Цена 30 коп.

3074